

НА площади Восстания против Московского вокзала поднялось новое здание светлой окраски с колоннами и высоким острым шпилем. Такие же нарядные здания встали возле Балтийского вокзала, у Технологического института и в других местах города. Это наземные вестибюли станций Ленинградского метрополитена. Общая протяженность первой очереди новой подземной дороги почти одиннадцать километров. Она свяжет южную окраину города — поселок Займов — с центром. Весь путь из конца в конец по этой трассе займет не более четверти часа.

Архитектура Ленинградского метрополитена отражает революционное прошлое города, мощь его индустрии, героизм трудовых дел ленинградцев. Каждая из его станций имеет свою тему архитектурного оформления. Так, оформление станции «Площадь Восстания» посвящено Великой Октябрьской социалистической революции. В архитектуре станции «Автово» отражена тема героической обороны Ленинграда в годы войны (неподалеку от Автово проходил передний край обороны). Станция «Кировский завод» расположена в районе крупнейшего промышленного предприятия города, и в ее архитектуре преобладают индустриальные мотивы. Оформление станции «Балтийская» раскрывает тему морского могущества СССР, станция «Пушкинская» посвящена гениальному русскому поэту, «Технологический институт» — отечественной науке и т. д.

Архитекторы и строители Ленинградского метро очень широко использовали опыт работы московских метро строителей. Но в облике станций Ленинградского метро мы легко заметим и немало нового.

Учитывая не только достижения, но и ошибки московских проектировщиков и строителей, ленинградцы стремились избежать архитектурных излишеств, внешней пышности, вычурных и дорогостоящих деталей. Отделочные материалы, дорогие или требующие особенно сложной обработки, заменялись более простыми. В этом отношении первоначальный архитектурный проект претерпел серьезные изменения.

Очень характерны, например, коррективы, внесенные в оформление станции «Кировский завод». Ее архитектура стала значительно строже, когда был убран декоративный стеклянный купол со сложным рисунком, с бронзовыми оправой, с подвеской и т. д. На станции «Балтийская» главный зал оказался шире, величественнее и удобнее для пассажиров, после того как были сняты первоначально проектировавшиеся в нем колонны, также игравшие чисто декоративную роль. Зал производит сейчас гораздо более глубокое и цельное впечатление. То же произошло и на станции «Пушкинская», где были упрощены излишне вычурные детали лепки на сводах, а пол, который, по мысли архитектора, должен был тут же не повторять в камне сложный рисунок хорасанского ковра, решено было выложить красным полированным гранитом с цветной каймой из мрамора. Оформление зала стало теперь проще и красивее — что тоже немало важно — обошлось примерно раз в десять дешевле.

Удачными оказались попытки решить освещение станций так, чтобы источниками света являлись элементы архитектурного оформления. Так, на станции «Технологический институт» зал будет освещаться бронзовыми факелами, из которых состоит фриз, украшающий стены. Таким образом, отпадает необходимость в установке специальных светильников, люстр, бра и т. д.

Большую экономию дала замена украшений, сделанных из металла (бронзы, алюминия), цементной лепкой и мастикой. Широко применяется при отделке станций и такой прочный и недорогой материал, как терракотовая цветная штукатурка. В ряде случаев, наконец, удалось добиться серьезного уменьшения стоимости строительства за счет некоторого понижения потолка эскалаторных залов и вестибюлей, которые были запроектированы излишне высокими.

Скоро широко откроются двери наземных вестибюлей нового метрополитена и ленинградцы смогут оценить труд его строителей и архитекторов.

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.) А. ПЛОВНИКОВ

Колхозная тема в литературе

Как уже сообщалось, по решению секретариата правления Союза писателей СССР, созывается Всесоюзное совещание литераторов, пишущих на колхозные темы. Установлена дата открытия совещания — 26 октября. Оно будет посвящено широкой дискуссии на тему «Новое в советской деревне и задачи художественной литературы». Совещание откроется выступлением В. Овечкина.

— Назначение этого совещания, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» секретарь правления Союза писателей В. Смирнов, — подводит первые итоги тому, что сделано писателями после исторических решений партии и правительства о сельском хозяйстве, вооружив литераторов глубоким пониманием задач и перспектив развития колхозного строительства, помочь осмыслить новые проблемы науки в этой области, живые процессы, происходящие сегодня в нашем колхозном селе.

В дискуссии примут участие более ста писателей, в их числе большие группы прозаиков, поэтов, драматургов, критиков и очеркистов Москвы, Ленинграда, Украины, Казахстана, Белоруссии, прибалтийских республик и др.

С трибуны совещания прозвучит и голос колхозных читателей — они скажут свое дружеское высказательное слово о книгах, посвященных советской деревне. К обсуждению вопросов, которые будут поданы на дискуссии, привлекаются передовики сельского хозяйства, партийные работники, руководители соответствующих министерств, представители научной интеллигенции.

Участники совещания встретятся с учеными, посетят Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. В дни совещания будут прочитаны и обсуждены главы из новых произведений Г. Николаевой, В. Овечкина, Е. Мальцева, посвященных колхозной теме.

Думы и заботы строителя

Как-то мы разговаривали с начальником строительства Горьковской ГЭС Дмитрием Михайловичем Юриным. Он строит уже не первую гидроэлектростанцию, опыт, наблюдения у него богатые. И вот в неформальной беседе Дмитрий Михайлович сказал:

— Да ведь мы же одеревяем, мы «кочевники», у которых нет даже постоянного дома. Мы приезжаем в какое-то место, живем в палатках, бараках, первое время даже не замечаем отсутствия водопровода, канализации, осенью ходим по колесу в грязи, весной тонем в разливах, зимой мерзнет от стужи, летом страдают от комаров и гнуса. А выстроив станцию, удобное жилье для людей, мы уезжаем на новое место, где снова начинаем с палаток, барачок и всех прочих неудобств. Но подите спросите рабочих, мастеров, инженеров — хотят они променять такую жизнь на более легкую?

— Нам пришлось разговаривать со многими людьми — плотниками, шоферами, гидромеханиками, инженерами, квалифицированными монтажниками, бетонщиками и арматурщиками. И мы должны были признать, что Юрин прав: эти люди — энтузиасты, романтики строки у них в крови. Уже сейчас, хотя до конца стройки Горьковской ГЭС не так близко, то и дело слышишь разговоры:

— А куда дальше? И уже сейчас молодые, пожившие, одинокие и многодетные складываются в группы, как перелетные птицы в стаи: — Мы в Чебоксары!

— А мы же решили на Иркутскую! И в этом не только романтика передвижений, световенная человеку, но и любовь к профессии, чувство наглядного удовлетворения созданием своих рук.

На четырнадцатом шлюзе мы встретились с мастером второго участка левого берега Иваном Яковлевичем Власовым. На шлюз мы пришли, когда началось шлюзо-

вание судов, шедших с верховьев Волги. Раскрылись верхние ворота огромного шлюза (два шлюза Горьковской ГЭС могут вместить столько же судов, сколько одновременно вмещают все шлюзы Волго-Донского канала имени В. И. Ленина), и через них осторожно влозала большая самодельная баржа. А за ней выстроилось много буксирных пароходов и барж.

Облокотившись на перила стенки. Иван Яковлевич задумчиво смотрел, как рыдал, еще глянцевая вода чуть заметно поднималась у основания огромной бетонной стены шлюза.

— Эту стенку мы бетонировали в двадцатиградусный мороз, — сказал он вдруг. — И без тепляков, прямо на открытом воздухе. Тогда не верилось, что так можно, — ведь бетон боится холода. А вот стоит!

Он стал рассказывать о том, что мы уже слышали от инженера Алексева, — как в стенах оладушки вставляли 8-миллиметровые электроды и, когда оладушки наполнили бетоном, пустили через электроды пониженный ток. П теплая завеса, созданная при помощи электродов, дала возможность бетону затвердеть в нормальных условиях.

— Да, многое здесь пришлось испытать, но многому и научиться, — сказал Иван Яковлевич.

Родился он на Волге, был в колхозе плотником, воевал, был ранен, вернулся в колхоз, а пять лет назад пришел на строительство рязовым рабочим. Сейчас Власов — известный на строительстве мастер, под его началом 60 плотников, и все — люди высокой квалификации.

— За пять лет я здесь прошел такую науку, какую не прошел бы за всю жизнь.

— А что думаете дальше делать, когда строительство закончится?

— Да вот думаю всей артелью, — усмехнулся Иван Яковлевич. — Выбираем,

То ли в Сибирь, то ли на Украину. Все одно — на стройку. Квалификацию поднять не захочется. Да и увлекательное очень, — чуть смутившись, признался Иван Яковлевич. — Вот какое чудо соорудили, — кивнул он на шлюз, в котором, слегка дымя трубами, стояли суда с высипавшими на палубы людьми.

Самые интересные люди на строительстве ГЭС, пожалуй, — монтажники. Это люди высокой квалификации и большого опыта. Если строители имеют дело главным образом с землей, деревом и бетоном, у монтажников — огромные машины высокой точности.

— У нас точность до одной нитки, — с горечью говорят они. — Если монтажник где-то ошибется, потом придется перебирать весь агрегат, весит он сотни тонн.

На станции мы познакомились с прорабом по монтажу турбин Алексеем Леонидовичем Чапниковым. Немолодой, коренастый и очень живой человек. Широко умное лицо и светлые глаза с лавандиной.

— Вас что — хорошее или плохое интересует? — спросил он, когда мы попросили рассказать, как идет монтаж турбин.

— Все рассказывайте.

— Конечно, у нас много хорошего. И вот монтируем шестую гидроэлектростанцию и вижу, как совершенствуется техника, как усовершенствуется темпы, сокращаются сроки монтажа. Раньше мы приходили на монтаж, когда строители заканчивали почти все работы. Каждая деталь ставили прямо на место в отдельности. Но сейчас мы не можем ждать полного окончания строительных работ, — экономика страны требует все больше электроэнергии. Два агрегата вот-вот уже должны пустить. А вот посмотрите, в каких условиях приходится вести монтаж!

Он ведет нас на монтажную площадку, где детали гидроагрегатов предварительно

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 120 (3465)

Суббота, 8 октября 1955 г.

Цена 40 коп.

Большие события в жизни художников

У мастеров советского изобразительного искусства началась пора большой, ответственной работы: весной 1956 года соберется Всесоюзный съезд художников, в ноябре 1957 года откроется Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Надо думать, что Всесоюзный съезд художников обобщит материалы творческих дискуссий, отметит и поддержит все то, что способствует дальнейшему углублению и развитию метода социалистического реализма, верно найдет работу живописцев, скульпторов, графиков.

Подготовка к юбилейной выставке уже началась. Разработанный обширный план мероприятий, которые должны облегчить деятельность художников, заканчивается составлением тематического плана выставки, образцами выставочные комитеты.

В современных условиях метод социалистического реализма требует от художников яркости, как и от художников слова, глубокого понимания жизни, понимания задач строительства социализма в нашей стране, постепенного перехода ее от социализма к коммунизму.

От выставки, посвященной 40-летию Великой Октябрьской революции, народ ждет глубокого, всестороннего отображения жизни советского общества на всех ее этапах, пристального внимания ко всем сторонам нашей действительности. Рядом с историческими полотнами, рассказывающими о героическом революционном прошлом страны, о легендарных сражениях на полях гражданской войны, о первых годах строительства социалистического государства, зритель надеется найти живо, правдивое изображение сегодняшнего дня, сегодняшних дел советского человека. Наш современник должен предстать на выставке и в труде и в быту, во всем многообразии своей жизни, во всем богатстве своих интересов, чувств, стремлений.

Вот почему художникам надо особенно глубоко проникнуться духом времени и обратиться к тем темам, которые действительно волнуют наш народ и которые он охотнее увидит запечатленными в искусстве. А тем этих множество. Тут и благородная тема великой созидательной работы советских людей, тема советского патриотизма, гражданского мужества, и вопросы морали, любви, семьи, и проблемы воспитания, и многое, многое другое. Найти своеобразное, яркое художественное воплощение этих жизненных вопросов — вот задача художников.

Организация всесоюзных художественных выставок — одна из замечательных традиций советского изобразительного искусства. Всем памятно, какую огромную роль в развитии нашей живописи, скульптуры и графики сыграли такие экспозиции, как «XV лет Красной Армии», «Индустрия социализма», «Героический фронт и тыл», «Социализм». Эта замечательная выставка 1947 года и другие. Что же было причиной успеха этих выставок? Центральное, ведущее место в них занимали сюжетные полотна на важнейшие темы современности. Именно эти полотна выделялись в основном идейное звучание выставок, их эстетическое и воспитательное значение.

Очевидно, что и новая Всесоюзная художественная выставка будет по-настоящему удачной лишь в том случае, если зритель сможет увидеть на ней содержательные, поэтически полотна, воссоздающие жизнь советских людей.

Создание таких полотен — дело большой трудности. Сюжетная картина —

высшая форма живописи. Автору тематической картины необходимо знание законов построения драматической мизансцены, он должен владеть «секретами», по сути дела, всех жанров живописи. Но, конечно, прежде всего от него требуется умение проникнуть в жизненную сущность изображаемого события, убедительно раскрыть его значение, ярко передать характеры героев.

Советские люди хотят, чтобы живописные повествования о важнейших событиях советской жизни отличались таким же идейным размахом, силой образов и совершенством исполнения, какие присущи произведениям классиков. Великие мастера живописи создавали полотна, в которых с высоким мастерством, с удивительно глубоким проникновением в существо изображаемого раскрывались значительные события и явления в жизни народа. Полнота жизненности, огромная сила реалистического обобщения отличают эти произведения. Важнейший творческий урок классических сюжетных картин заключается в том, что великие мастера никогда не ограничивались простым переказом, иллюстративной фиксацией изображаемого события. Нет, они создавали образ события, глубоко раскрывая его исторический, социальный смысл, смело воплощая типические образы людей своего времени.

Обратившись к решению принципиально новых идейных задач, авторы лучших советских сюжетных полотен успешно использовали опыт классиков, создали правдивые, реалистические картины событий современности. Однако за последние годы развитие наиболее ценных и плодотворных традиций советской сюжетной картины шло весьма медленно и затруднено. Одной из главных причин этого было пристрастие некоторых художников к брустверно-эффектным многофигурным полотнам, где глубокие решения важных тем подменялось парадностью, дешевым внешним блеском, наигранной и однообразной парадничностью. Подобные полотна были по справедливости осуждены зрителем.

На Всесоюзной художественной выставке, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, зритель надеется увидеть такие произведения на значительные темы современности, в которых живописцы не ограничатся более или менее эффектной передачей облика изображаемого события, но создадут глубокие, впечатляющие образы советских людей — героев этих событий.

На протяжении последних лет заметные сдвиги произошли в области жанровой живописи. Она стала одним из наиболее популярных видов изобразительного искусства. Немало жанровых работ создается и для юбилейной художественной выставки. Ведь жанр предоставляет несравненные возможности для рассказа о ростках и горечастах, размышлениях и страстях простых людей, для раскрытия поэзии нашей повседневности. Однако в практике работы наших жанристов есть немало неверного, ошибочного. Наряду с полотнами, в которых жизненная убедительность рассказа о буднях соединяется с глубиной и значительностью стержневой идеи произведения, на выставках последних лет нередко появлялись холсты, авторы которых не шли дальше поверхностной занимательности или любовного, наивно-назидательного «обобщения», а порою соединяли слащаво-сентиментальные сценки. Примером для мастеров нашего жанра должны быть классические произведения жанровой живописи, лучшие работы советских жанристов, где

живая непосредственность повествования сочетается с масштабным, значительным идейно-образным замыслом. В преддверии выставки стоило бы повести острый и принципиальный разговор о методах создания современной жанровой картины.

Было бы весьма полезным, плодотворным делом вспомнить о лучших традициях классической и современной живописи и в дискуссии об искусстве портрета. За отдельными, довольно редкими исключениями этот жанр был представлен на выставках последних лет слабыми, незначительными работами. Ограничиваясь в своих произведениях чисто внешним сходством, многие портретисты не стремились к всестороннему постижению характера натур, деятельности изображаемых людей, не ищут выразительных и оригинальных пластических средств, необходимых для убедительного воплощения портретного образа. Нужны напряженные усилия художников, чтобы у нас вновь расцвело сложное и тонкое искусство создания «портрета-биографии», раскрывающего все грани человеческого характера.

Попеки ярких и совершенных средств художественной выразительности — одна из существенных задач художников, работающих в области станковой и монументальной скульптуры. Ведь вынослив и устойчив фактура, скульптурные композиционные приемы, великая прилежность, сбалансированность форм, свойственные многим недавно выполненным работам скульпторов, не могут не внушать тревоги: Хочется увидеть в новых статуях и бюстах больше психологической остроты, открытости, дерзости, романтики.

Мастера иллюстрации, станкового рисунка, карикатуры должны развивать те положительные черты, что проявились за последние годы в искусстве графики, расширять круг своих тем. От мастеров плаката зрители ждут в новых работах большей выразительности, броскости форм.

Стремление к своеобразию, оригинальности, остроте художественного «языка» является характерной чертой лучших произведений наших живописцев, скульпторов, графиков. Практика развития советского искусства со всей наглядностью показала, что чем чище, яснее идейный замысел произведения, чем глубже его связь с жизнью, тем легче, свободнее достигается мастер яркости, органичности художественной формы в своих творениях. Отступление от принципов социалистического реализма наносит ущерб развитию нашего искусства. Натуралистический «фотографизм», эстетское, формалистическое материальничанье не только толкает художника на путь бездельности, — они приводят и к утрате подлинного мастерства.

Большую роль в подготовке к съезду художников и юбилейной выставке призвана сыграть художественная критика. Широкие, свободные дискуссии, обсуждение эскизов создаваемых для выставки работ — все это приобретает сейчас особенно важное, действительное значение.

Пройдет два года, и залы юбилейной художественной выставки откроются для посетителей. Ядно будут всматриваться зрители в полотна, скульптуры, графические листы, лица в них открывший, поэта мысли, художественного открытия нового в жизни. И пусть художники, работая ныне над новыми произведениями, все время видят перед собой этот полный радостного ожидания взгляд зрителей. Пусть все силы таланта отдадут воплощению образов героев советской земли, строителей коммунистического завтра.

Искусство народных мастеров Индии

Сегодня в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, открывается выставка кустарных ремесел Индии. Она организована по инициативе премьер-министра Индии Джавахарлала Неру.

В помещении, где несколько дней назад москвичи знакоми-

лись с образцами промышленного производства Чехословацкой Республики, сегодня выставлено 22 тысячи образцов изделий индийских народных мастеров.

Мы побывали на выставке в залу ее открытия. Заканчивалась размещением экспонатов: на одном из столов лежал вопрос женских покрывал — сари, сделанных из тончайших золотых ниток; в витрине развешивались национальные платья из разных штатов страны; вокруг — бесчисленное количество изделий из бронзы и серебра, сандалового дерева, крокодиловой кожи, бычьего рога, слоновой кости, белого мрамора... Все штаты Индии прислали образцы своих ремесел. Штат Майсур знаменит изделиями из слоновой кости. Далеко за пределами Индии известны филигранные изделия из серебра и металла с художественной чеканкой мастеров штата Хайдрабад.

Среди множества экспонатов есть образцы старинных изделий: так, бронзовому изображению бога Вишну — около 600 лет. Об удивительном искусстве индийских мастеров можно судить по показанному нам красному шаруу величайшей с горшину, в котором находится сто слонов, вырезанных из кости. Рассмотреть их можно только в лупу.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» дирек-

тор-представитель выставки К. Гхош рассказал:

— Индия не раз демонстрировала за границей искусство своего народа. За последние годы выставки индийских кустарных ремесел побывали в Англии, Швейцарии, Бельгии, но эта — наиболее полная: она отображает народное искусство всех 28 штатов нашей страны.

Выставка создана Польством Республики Индии в Москве. Всесоюзным управлением кустарных ремесел при содействии Всесоюзной торговой палаты, в течение одного месяца, это была нелегкая задача — в такой короткий срок облачать все штаты страны и отобрать лучшее, что сделано мастерами, тем более что ремеслом у нас занимаются десятки миллионов людей.

В отборе образцов мы получили большую помощь специального общественного Комитета, ведающего развитием кустарного ремесла, заботящегося об улучшении условий труда мастеров. Представители Комитета разъезжали в разные концы Индии и связались с кооперативными центрами. Отобранная для выставки изделия были доставлены в Бомбей, по-

гружены на паром и после месячного путешествия прибыли в Советский Союз.

— Выставка индийских кустарных ремесел в Москве, — сказал в заключение К. Гхош, — поможет советским людям еще ближе узнать индийский народ, его культуру и искусство.

На снимках: слон — филигранная работа из серебра (штат Хайдрабад) и работа из слоновой кости (штат Майсур). Фото А. Липина

Певец родной земли

В этот вечер, 6 октября, Большой зал Политехнического музея в Москве не мог вместить любителей поэзии Сергея Есенина.

— Лучшие стихи Есенина о родине, о советской деревне, не зачеркнутой того, что дорожки его нежные стихи о любви, дороги нам, советским людям. И они будут столь же дороги мне многим и многим поколениям, — этими словами С. Шниаев открыл вечер, посвященный 60-летию со дня рождения поэта.

В докладе о творчестве С. Есенина К. Зелинский напомнил о том, что источником вдохновения и радостью творчества поэта была любовь к родине, его напевы его лучшие стихи. К. Зелинский говорил об идейных противоречиях С. Есенина, о том мучительном разладе «светлого» и «темного» в его

душе, который он пытается объяснить самому себе в некоторых своих стихотворениях. Главную причину их нужно видеть в ограниченном мировоззрении поэта. Однако эти произведения, говорил докладчик, не зачеркнутой того, что дорожки его нежные стихи о любви, дороги нам, советским людям. И они будут столь же дороги мне многим и многим поколениям, — этими словами С. Шниаев открыл вечер, посвященный 60-летию со дня рождения поэта.

В докладе о творчестве С. Есенина К. Зелинский напомнил о том, что источником вдохновения и радостью творчества поэта была любовь к родине, его напевы его лучшие стихи. К. Зелинский говорил об идейных противоречиях С. Есенина, о том мучительном разладе «светлого» и «темного» в его

душе, который он пытается объяснить самому себе в некоторых своих стихотворениях. Главную причину их нужно видеть в ограниченном мировоззрении поэта. Однако эти произведения, говорил докладчик, не зачеркнутой того, что дорожки его нежные стихи о любви, дороги нам, советским людям. И они будут столь же дороги мне многим и многим поколениям, — этими словами С. Шниаев открыл вечер, посвященный 60-летию со дня рождения поэта.

Обществу польско-советской дружбы

Правление Союза писателей СССР сердечно поздравляет пятый съезд Общества польско-советской дружбы. Горячо желаем, чтобы работа съезда послужила великому делу укрепления братской дружбы польского и советского народов.

Думы и заботы строителя

Как-то мы разговаривали с начальником строительства Горьковской ГЭС Дмитрием Михайловичем Юриным. Он строит уже не первую гидроэлектростанцию, опыт, наблюдения у него богатые. И вот в неформальной беседе Дмитрий Михайлович сказал:

— Да ведь мы же одеревяем, мы «кочевники», у которых нет даже постоянного дома. Мы приезжаем в какое-то место, живем в палатках, бараках, первое время даже не замечаем отсутствия водопровода, канализации, осенью ходим по колесу в грязи, весной тонем в разливах, зимой мерзнет от стужи, летом страдают от комаров и гнуса. А выстроив станцию, удобное жилье для людей, мы уезжаем на новое место, где снова начинаем с палаток, барачок и всех прочих неудобств. Но подите спросите рабочих, мастеров, инженеров — хотят они променять такую жизнь на более легкую?

— Нам пришлось разговаривать со многими людьми — плотниками, шоферами, гидромеханиками, инженерами, квалифицированными монтажниками, бетонщиками и арматурщиками. И мы должны были признать, что Юрин прав: эти люди — энтузиасты, романтики строки у них в крови. Уже сейчас, хотя до конца стройки Горьковской ГЭС не так близко, то и дело слышишь разговоры:

— А куда дальше? И уже сейчас молодые, пожившие, одинокие и многодетные складываются в группы, как перелетные птицы в стаи: — Мы в Чебоксары!

— А мы же решили на Иркутскую! И в этом не только романтика передвижений, световенная человеку, но и любовь к профессии, чувство наглядного удовлетворения созданием своих рук.

На четырнадцатом шлюзе мы встретились с мастером второго участка левого берега Иваном Яковлевичем Власовым. На шлюз мы пришли, когда началось шлюзо-

вание судов, шедших с верховьев Волги. Раскрылись верхние ворота огромного шлюза (два шлюза Горьковской ГЭС могут вместить столько же судов, сколько одновременно вмещают все шлюзы Волго-Донского канала имени В. И. Ленина), и через них осторожно влозала большая самодельная баржа. А за ней выстроилось много буксирных пароходов и барж.

Облокотившись на перила стенки. Иван Яковлевич задумчиво смотрел, как рыдал, еще глянцевая вода чуть заметно поднималась у основания огромной бетонной стены шлюза.

— Эту стенку мы бетонировали в двадцатиградусный мороз, — сказал он вдруг. — И без тепляков, прямо на открытом воздухе. Тогда не верилось, что так можно, — ведь бетон боится холода. А вот стоит!

Он стал рассказывать о том, что мы уже слышали от инженера Алексева, — как в стенах оладушки вставляли 8-миллиметровые электроды и, когда оладушки наполнили бетоном, пустили через электроды пониженный ток. П теплая завеса, созданная при помощи электродов, дала возможность бетону затвердеть в нормальных условиях.

— Да, многое здесь пришлось испытать, но многому и научиться, — сказал Иван Яковлевич.

Родился он на Волге, был в колхозе плотником, воевал, был ранен, вернулся в колхоз, а пять лет назад пришел на строительство рязовым рабочим. Сейчас Власов — известный на строительстве мастер, под его началом 60 плотников, и все — люди высокой квалификации.

— За пять лет я здесь прошел такую науку, какую не прошел бы за всю жизнь.

— А что думаете дальше делать, когда строительство закончится?

— Да вот думаю всей артелью, — усмехнулся Иван Яковлевич. — Выбираем,

То ли в Сибирь, то ли на Украину. Все одно — на стройку. Квалификацию поднять не захочется. Да и увлекательное очень, — чуть смутившись, признался Иван Яковлевич. — Вот какое чудо соорудили, — кивнул он на шлюз, в котором, слегка дымя трубами, стояли суда с высипавшими на палубы людьми.

Самые интересные люди на строительстве ГЭС, пожалуй, — монтажники. Это люди высокой квалификации и большого опыта. Если строители имеют дело главным образом с землей, деревом и бетоном, у монтажников — огромные машины высокой точности.

— У нас точность до одной нитки, — с горечью говорят они. — Если монтажник где-то ошибется, потом придется перебирать весь агрегат, весит он сотни тонн.

На станции мы познакомились с прорабом по монтажу турбин Алексеем Леонидовичем Чапниковым. Немолодой, коренастый и очень живой человек. Широко умное лицо и светлые глаза с лавандиной.

Вас что — хорошее или плохое интересует? — спросил он, когда мы попросили рассказать, как идет монтаж турбин.

— Все рассказывайте.

— Конечно, у нас много хорошего. И вот монтируем шестую гидроэлектростанцию и вижу, как совершенствуется техника, как усовершенствуется темпы, сокращаются сроки монтажа. Раньше мы приходили на монтаж, когда строители заканчивали почти все работы. Каждая деталь ставили прямо на место в отдельности. Но сейчас мы не можем ждать полного окончания строительных работ, — экономика страны требует все больше электроэнергии. Два агрегата вот-вот уже должны пустить. А вот посмотрите, в каких условиях приходится вести монтаж!

Он ведет нас на монтажную площадку, где детали гидроагрегатов предварительно

собираются в крупные блоки. Один такой блок, состоящий из турбинного, промежуточного валов и рабочего колеса, весит четыреста тонн! На площадке столь тесно, что надо удивляться, как монтажники умудряются на таком «пятачке» завести и гигантские машины. А рядом проедут железнодорожная линия, по которой подают строительные материалы, вывозит мусор. Над головами монтажников еще нет крыши, на верхних ярусах работают бетонщики, арматурщики, плотники. Оттуда то и дело летят мусор, обрезки металла. Монтажникам приходится укрываться свое «хозяйство» брезентами, монтаж ответственных агрегатов оберегать фанерными балаганами.

— А понадеж, скажем, между валами кусочек бетона, валы уже не стянешь с необходимой точностью. И может случиться так, что потом придется агрегат разобрать и отыскать причину останова. Но это еще полбеды, — с горечью говорит Чапников. — И на других стройках работали в таких условиях, приспособились. Беда, что здесь порядка нет.

Порядка, как мы убедились, мало. Монтаж ведут три организации, являющиеся подрядчиками управления строительства. И вот нет самого главного — четкой согласованности между управлением строительства и монтажными организациями. Правда, разрабатываются и утверждаются совместные графики. Но они остаются бумажным творчеством, так как единство ответственного лица, наблюдающего за их выполнением, нет.

Монтажные организации объединяет главк Гидроэнергоагрегат. И как-то странно, что на стройке нет представительной гавка, которые могли бы установить четкое взаимодействие между своими организациями и строителями.

Куск двух первых агрегатов с сентября перенесен на октябрь. На строительстве много плакатов и лозунгов, напоминающих, что дорог каждый день, каждый час. Но надо создать условия для того, чтобы эти часы и дни использовались наиболее рационально.

Баз можно мириться с тем, что из-за

неорганизованности и узкого фронта работ по монтажу агрегатов высокой точности люди ищут ряску качеством, что монтажникам приходится затрачивать много времени и энергии на то, чтобы сохранить детали живыми, убер

Великий поэт Грузии

Поэзия Давида Гурамишвили пользуется огромной популярностью. Весь грузинский народ повторяет слова поэта, как свой собственный. Мудрость великого поэта стала частью народной мудрости. Поэзия, уходящая своими корнями вглубь народной жизни, стала достоянием народа, вернувшись к народу, как его собственное дитя.

Гурамишвили прожил долгую и бурную, полную превратностей жизнь. Чтобы выжить в сущности поэзии Гурамишвили, надо знать его биографию: редко в истории литературы встречается писатель, жизнь которого так тесно переплеталась бы с судьбой родины, так ярко отражала и даже символизировала эту судьбу, являясь вместе с тем главной темой его творчества.

Давид Гурамишвили родился в 1705 году в селении Сагурамо, в семье мелкопоместного князя. Детство его прошло среди простого народа. Характерная для грузинского села поэтическая атмосфера — народные песни и сказания — окружала будущего поэта.

Детство и юность поэта выпали на годы, едва ли не самые трагические в истории Грузии. Раздробленная на множество царств и княжеств, Грузия была ареной борьбы Ирана и Турции за укрепление своего влияния. Нескончаемые варварские нашествия иноземных захватчиков, постоянные набег горских племен, междоусобицы феодальных родов обескровили страну.

Спасаясь от врагов, вынужден был скрываться и Давид Гурамишвили. Но, как говорится в народной песне, Гурамишвили «в пору жаты горячую был... сквачен лезгианами и увезен в Дагестан». С этого дня начинается полная необычайных драматических перипетий жизнь поэта. Бежав из плена, Гурамишвили попадает на Северный Кавказ, где находит приют у русских поселенцев. Оттуда он направляется в Москву. Вместе с другими грузинами-эмигрантами Давид Гурамишвили принимает русское подданство, поступает на военную службу. В составе русской армии поэт принимает участие во многих боях и сражениях: в 1739 году — против турок у крепости Хотин, в 1742 году — против шведов и, наконец, в Семилетней войне — против пруссаков. Во всех этих сражениях Гурамишвили, по свидетельству очевидцев, проявил исключительную храбрость и боевую отвагу, о чем и сам он с полным основанием писал на склоне лет: «Я разил бесстрашно саблей всех, кто мне грозил мечом». Выйдя в отставку, поэт поселился на Украине, где ему уже приходилось жить и раньше.

Грузинский поэт, русский воин, украинский поселенец, Давид Гурамишвили как бы воплощал в себе исторические складывавшиеся дружбу трех народов. Слыша нити десятилетия лет своей сознательной жизни провел он в России и на Украине, навсегда связав судьбу со второй своей родиной, породившись с ее народом, приобщившись к его культуре и духовному богатству. Сборник основных произведений «Давитиани» поэт завершил в глубокой старости, когда ему было 82 года. Старец, умудренный большим жизненным опытом, собирает воспоиня свои произведения, составляет книгу для того, чтобы, по его словам, «читать ее народ».

Заканчивая свою книгу, поэт думает о нуждах простого народа, думает не только о людях своей далекой родины — Грузии, но и об украинцах хлебопашах, среди которых он жил десятилетия. Произведения Гурамишвили проникнуты сочувствием к простому люду, уважением к честному труду:

Снастив труженник, который
Честным кормится трудом!

Книгу свою он предназначал для своей далекой родины, для многострадального грузинского народа:

Не взрастай я терн колючий
Вкруг деревьев этих строк.
Я хочу, чтоб каждый отрок
Их плоды отведал мог.
Не разлейте ж мой напиток,
Он полейт вам, дети, впрок.
Берегите эту книгу,
Чтоб служила долгой срок.

Гурамишвили называл свое творение «Давитиани» «спиртой», свои стихи — детьми и мечтал о времени, когда они найдут пристанище, будут согреты любовью и лаской читателей. Таким благодарным читателем оказался грузинский народ, не только приютивший и обласкавший «спироту», но и сделавший ее другом, спутником и соратником на своем историческом пути.

Книга дошла до Грузии. Дошел до грузинского народа и содержащийся в книге печальный рассказ о бедствиях и невзгодах, выпавших на долю ее автора. Но в строках «Давитиани» запечатлены лишь те факты биографии поэта, в которых, как в капле воды, отразилась судьба родины, лишь те события его личной жизни, которые переплетались или же перекликались с событиями в жизни народа. События личной жизни Гурамишвили являются лишь поводом для лирических раздумий о судьбах родины и народа, для глубоких философских размышлений о жизни и смерти, о человеческом и гражданском долге, о высоких нравственных принципах, страстным проповедником которых был поэт.

Давид Гурамишвили, тернистая тропа которого не раз перекрещивалась с дорогой бедствий родной страны, был настоящим летописцем своей эпохи. Но так же, как в отборе фактов своей личной жизни, поэт руководствовался всегда принципом типичности и общественной значимости этих фактов, точно так же он далеко не с одинаковым интересом относился к различным фактам исторической жизни родного народа. Каждое описываемое событие

или явление выражает сущность того или иного этапа, той или иной стороны политической, экономической и культурной жизни Грузии первой половины XVIII века.

Откал от протективности и хроникальности отнюдь не означал для поэта отказа от исторической правды. Напротив, именно такой подход к жизненному материалу обеспечивал подлинную правдивость изображения. Правда была краеугольным камнем эстетики Давида Гурамишвили. И, что особенно важно, эстетическая концепция поэта была осязаема высокими этическими и гражданскими идеалами. Правда была для него могучим средством борьбы за торжество этих идеалов, была, по сути дела, синонимом гражданской честности и нравственной чистоты:

Коль солгу, какую пользу
Принесут мои сказания?
Как хорошее прославить,
Коль дурное не ругать?
Если зло во зло не ставить,
Что добром именоват?
Можно ли добрые поступки
У достойного отнять?
Чем оправдать злодея,
Лучше мучником стати!

Эти черты эстетических и этических воззрений Давида Гурамишвили сближали его с народом, с народной моралью, с народными представлениями о нравственном долге, правде и красоте. Не случайно поэтому, что многие и многие строки «Давитиани» стали пословицами и поговорками, стали необходимыми явлением в его ежедневном быту, практической деятельности.

Вера в человеческий разум, в чудотворную силу знания пронизывает творчество великого грузинского поэта, и это говорит, с одной стороны, о национальных, руславетских корнях поэзии Гурамишвили, а с другой стороны, сближает его с русским просветительством XVIII века, с идеями Ломоносова и Феофана Прокоповича, Самуарокова и Державина, свидетельствуя о несомненном влиянии этих идей на Давида Гурамишвили. Вот строки, в которых с предельным лаконизмом и точностью передана просветительская суть воззрений поэта:

Разум — это хлеб насущный,
Ибо служит нам питанием.
Но, как соль нужна к обеду,
Так же нужен нрав к знаниям.
О судьбе толкуют люди —
Мы хвалить ее не станем.

Вера в человеческий разум, в чудотворную силу знания пронизывает творчество великого грузинского поэта, и это говорит, с одной стороны, о национальных, руславетских корнях поэзии Гурамишвили, а с другой стороны, сближает его с русским просветительством XVIII века, с идеями Ломоносова и Феофана Прокоповича, Самуарокова и Державина, свидетельствуя о несомненном влиянии этих идей на Давида Гурамишвили. Вот строки, в которых с предельным лаконизмом и точностью передана просветительская суть воззрений поэта:

Разум — это хлеб насущный,
Ибо служит нам питанием.
Но, как соль нужна к обеду,
Так же нужен нрав к знаниям.
О судьбе толкуют люди —
Мы хвалить ее не станем.

Просветительская хвала разуму, вера в его всемогущество и вместе с тем отказ от чисто умозрительного, оторванного от жизни мудрствования, провозглашение необходимости сочетать знания с практическими навыками, антифаталистическая направленность — все это присуще поэзии Гурамишвили. Поэт был великим сыном своей эпохи, и потому многими чертами своего творчества он перекликался с поэтами, протягивая им руку через хребты веков.

Самые яркие, самые страстные, самые вдохновенные страницы «Давитиани» посвящены многострадальной родине поэта, которую он называл «жемчужиной вселенной». Все его чаяния и идеалы опираются на единое, всеобъемлющее патристическое чувство, формы проявления которого удивительно разнообразны: этическое раздумье сменяется страстным лирическим напором, вдохновенное песнопение — эпическим сказом, напряженным драматизмом — философским обоснованием событий и явлений. Поэту, заложенному на сотни, а то и на тысячи километров от родины, оторванному от нее на многие десятки лет, всюду сопутствует светлый образ родной страны:

О пленительная ликом!
Отблеск вечного светила!
Ни одна страна на свете
Мне тебя не заменила.
Сделай так, чтоб в отчих землях
Приняла мой прах могил!

Многие стихотворения и поэму «Веселая весна» поэт сочинил, как он сам выражался, «на мотивы» русских и украинских народных песен. Без преувеличения можно сказать, что Давид Гурамишвили глубоко проник в самую душу русской и украинской народной поэзии того времени, органически воспринял ее и нашел способы сближения ее с культурой грузинского стиха, насколько не поступая при этом национального самобытности и своеобразия. Поэт нанес решающий удар уподобной придворной поэзии, той пресловутой «восточной цветистости» поэтического мышления и поэтического стиля, которая тормозила дальнейшее развитие грузинской литературы. Давид Гурамишвили демократизировал грузинский стих, приблизил язык поэзии к народному языку, заговорил словами и образами, близкими народу. Эта демократическая направленность поэтики Гурамишвили обусловлена демократическими, гуманистическими идеалами поэта, жизнеутверждающим напором его творчества.

Книга Давида Гурамишвили, которая с таким трудом дошла в свое время до Грузии, лишь в нашу советскую эпоху стала достоянием действительно широких читательских масс, и не только в Грузии: эта книга вернулась и на землю, где она была создана, — на Украину. И потому украинские хлебопашах, о счастье и благоденствии которых так страстно мечтал поэт, читают сегодня строфы «Давитиани» в блестящем переводе Николая Бажаня. Книга продолжала свой путь — она дошла и до Москвы: прекрасный перевод Николая Заболоцкого завоевал ей внимание и любовь всех народов нашей многонациональной Родины. Лучшее доказательство любви и внимания — празднование 250-летия со дня рождения Давида Гурамишвили, которое превратилось в мощную демонстрацию дружбы народов, творческих взаимосвязей и взаимобогащения культур народов СССР.

Симон ЧИКОВАНИ

Давид Гурамишвили и наша современность

Века, отделяющие нас от того времени, когда зазвучала лира Гурамишвили, не только не притушили благородные звуки ее, а придали им мощь. Объясняется это тем, что и поэзия его и самый облик поэта, может быть, впервые по-настоящему поняты именно нами, советскими людьми, решающими национальный вопрос на всей территории старой России, где суждено было поддаться Давиду Гурамишвили, — нами, современниками великих движений за национальную свободу и социальную справедливость во всем мире.

До преклонного возраста, когда его физические согнулись раны и болезни, Гурамишвили сражался: сражался за свободу родной Грузии, сражался, как герой, в войнах, которые вела Россия. Есть в этом типе поэта нечто, наиболее отвечающее нашему современному пониманию того, каким должен быть поэт эпохи бурь. Не случайно, что поэзия Гурамишвили и образ поэта с особой силой воскресли в период Великой Отечественной войны наших народов против иноземных завоевателей.

Самая жизнь Давида Гурамишвили, великого сердцем грузина, связанная кровно с народами русским и украинским, стала в наши дни символом, и поэзия его с этими мотивами дружбы, особенно трогательно душу оттого, что прозвучали так давно, вышла за пределы родного народа на великий простор мира.

Проникнутая болью за судьбу родной земли, достигающая в то же время высоты понимания задач государственных, нашедшая гневные слова критики против неумных и ограниченных властителей во имя общенародных интересов, поэзия мужественная, как сама история, и в то же время глубоко гуманистичная и моральная, как народ, ее породивший, она, эта поэзия замечательного сына Грузии Давида Гурамишвили, будет жить вечно.

Александр ФАДЕЕВ

«Давитиани» отличается большим жанровым многообразием: лирика, эпос, буколическая поэзия, гимн, ода, дидактика, аллегория, — вряд ли в этом перечне исчерпано все внутреннее богатство и разнообразие поэзии Давида Гурамишвили. Но вместе с тем «Давитиани» — это единая книга, и единство это создается не только общностью идейных мотивов, пронизывающих ее, но и образом лирического героя, который виден читателю буквально за каждой строкой. Герой этот наделен лучшими чертами передового человека XVIII столетия, в нем верно схвачен и глубоко раскрыт национальный характер.

Все блестящие страницы «Давитиани», в которых автор выступает как певец дружбы народов, страниц, где говорится о любви и уважении поэта к русскому, украинскому, армянскому и другим народам, — это не только идейно-политическая поэзия Давида Гурамишвили, а отражение настроений передовых слоев грузинского народа. И здесь, как и в других случаях, эти два плана — личный и общенародный — тесно переплетаются друг с другом. Изображенное в поэме «Бедствия Грузии» бедствие Давида Гурамишвили из плена в Россию, описание его пути на север, его встречи с русским человеком — это не только страны биографии поэта, — за ними читается и иной, более глубокий смысл. Читатель понимает, что здесь речь идет и о судьбе Грузии, о том широком историческом пути, на который мог ее вывести только союз с Россией.

Естественным и закономерным был тот глубокий интерес, который проявлял Давид Гурамишвили к русской и украинской культуре. Поэт не только изображал дружественные связи русских, украинцев и грузин, но и в самых приличах и приемах изображения старался использовать творческий опыт русской и украинской народной поэзии:

Российской песни сила
Мне сердце опалила
Томительным огнем!

Многие стихотворения и поэму «Веселая весна» поэт сочинил, как он сам выражался, «на мотивы» русских и украинских народных песен. Без преувеличения можно сказать, что Давид Гурамишвили глубоко проник в самую душу русской и украинской народной поэзии того времени, органически воспринял ее и нашел способы сближения ее с культурой грузинского стиха, насколько не поступая при этом национального самобытности и своеобразия. Поэт нанес решающий удар уподобной придворной поэзии, той пресловутой «восточной цветистости» поэтического мышления и поэтического стиля, которая тормозила дальнейшее развитие грузинской литературы. Давид Гурамишвили демократизировал грузинский стих, приблизил язык поэзии к народному языку, заговорил словами и образами, близкими народу. Эта демократическая направленность поэтики Гурамишвили обусловлена демократическими, гуманистическими идеалами поэта, жизнеутверждающим напором его творчества.

Книга Давида Гурамишвили, которая с таким трудом дошла в свое время до Грузии, лишь в нашу советскую эпоху стала достоянием действительно широких читательских масс, и не только в Грузии: эта книга вернулась и на землю, где она была создана, — на Украину. И потому украинские хлебопашах, о счастье и благоденствии которых так страстно мечтал поэт, читают сегодня строфы «Давитиани» в блестящем переводе Николая Бажаня. Книга продолжала свой путь — она дошла и до Москвы: прекрасный перевод Николая Заболоцкого завоевал ей внимание и любовь всех народов нашей многонациональной Родины. Лучшее доказательство любви и внимания — празднование 250-летия со дня рождения Давида Гурамишвили, которое превратилось в мощную демонстрацию дружбы народов, творческих взаимосвязей и взаимобогащения культур народов СССР.

Симон ЧИКОВАНИ

Полинка из Леснова

РАССКАЗ

Из-под рамы трактора выплывали капустные кусты, сверху сызие, а снизу, с изнанки, темноголубые. От каждого легла наноскоко крохотная тень. Куда тень кустов, изнанка, тень... Гриша поглядывал на сиденье культиватора, поглядывая на странный под бок Котофеев затылок, который, как всегда, казался обнятым и вместе с тем нахальным.

По дороге шли с работы лесновские девчата. Лесновских сразу отличили: козыньки повязывают по-городскому, на выпуск, голенища резиновых сапог заворачивают, чтобы чулки были видны, а сейчас все накрасили губы. Идут, улыбаются крашеными ртами, и кажется, будто собралась вместе артистка из разных кинокартин о колхозной жизни. Только Полинка не накрасилась. Она шла, создавая весь эффект за спиной.

Гриша свинул кетку назад, и курляк чуб ветром сразу запылил на козырек. Лицо у Гриши худощавое, глаза ушли глубоко, а нос, наоборот, чересчур выдвинулся. Зато волосы хороши.

У дороги он слез и, пока Котофей разворачивался, глядел вслед девушкам. Одна обернулась, крикнула: — Что глядишь? Влюбился, что ль, в какую? И все повернуло к нему головы. Только Полинка не оглянулась.

— Видал? — подмигну ему Котофей. — Втирился в тебя девка. С тех пор, как Котофей сказал об этом Грише, он действительно стал замечать в поведении Полинки что-то особенное. Например, сейчас: неспроста она не оглянулась...

Летом танцы устраивали в сквере возле конторы совхоза. Гриша приходил сюда каждый вечер. Он присаживался на скамейку или становился поодаль и смотрел.

Так и сегодня он прислонился к стене и огляделся. Полинка сидела в стороне под деревом. Охватив колени руками, она наклонила голову, будто разглядывала что-то в траве. Котофей танцевал, придерживая свою партнершу тыльной стороной руки.

Но вот байанст положил голову на байан и принялся перебирать лады. Котофей, топя локти, словно он был обременен богатой мускулатурой, подошел к Грише.

— Чего тернешься? Гляди, дожидается. Гриша, от невольности повода плечами и по-офисенски топя локти, подошел к Полинке. Она не шевельнулась, как будто и не заметила.

— Чего ты вы не танцуете? — спросил он. Полинка подняла свои светлые бровки, вздернутые посередине уголками. — Не приглашаю? — сказала она и, опустив голову, опять стала что-то разглядывать в траве.

Гриша подумал, что надо бы ее пригласить. С ребятами за оградой он иногда пробовал танцевать, получалось. Полинка вдруг засмеялась. — Ты что? — спросил Гриша. — Он свое вынашивает, она свое, — кинула Полинка на Котофей.

И Гриша не решился ее пригласить. Он стоял у дерева, поглядывая на русый Полинкин пробор, на косички, заплетенные корзиночкой, и молчал. Полинка тоже ничего не говорила, словно ее не касалось, что он стоит рядом. Тогда Гриша решил выяснить окончательно: правду ли говорил Котофей, или все это срунда?

Наблюдая, прогуляемся? — предложил он. Полинка долго не отвечала, так что Гриша подумал, что она не расслышала его слов, потом вдруг поднялась и сказала, не глядя: — Пошли.

Наташу на плечи жакетку, она быстро пошла прямо через круг, Гриша — за ней. Котофей, негибасмо вышагивая, повел на него глазом: «Не таряйся, мол». Гриша в ответ шевельнул бровью: «Будьте спокойны, не потеряемся».

Полинка шагала решительно, не оглядываясь, словно вела его в какое-то определенное место. Миновала парники, перебралась через овраг и пошла стала спускаться к реке. Воды еще не было видно, казалось, оба берега — это одно поле, замкнутое туманной подковолей лесом.

За рекой в пламенном небе висело огромное красное солнце, а в противоположной стороне небо было прохладное, серебристое, с лиловыми тучками. Там уже высоко стоял бледный месяц. Полинка сошла к воде, остановилась и стала смотреть на тот берег.

— Гляди, три солнца, — сказала она. Гриша не сразу ее понял, потом увидел: там, где зеленые речные берега и темносиние всхолмляя леса сходились, уже коснулись земли оранжевое солнце. Еще два оранжевых солнца колыхались в воде: одно по ту сторону песчаного острова, другое — по эту.

Полинка молчала и смотрела, словно только для этого сюда и пришла. Гриша тоже стоял и смотрел, пока все три солнца не потапли, отдал свет облакам, которые еще долго пламенили в тихой воде.

Недалеко в Ленинграде вышла в свет первая книжка начинающего прозаика Александра Володина — «Рассказы». Сегодня мы публикуем его новый рассказ «Полинка из Леснова». Александр Володин будет участвовать в Третьем всесоюзном совещании молодых писателей.

и сказал «порядок» с намеком на некие особые свои успехи у Полинки. В воскресенье Гриша поехал на велосипеде в город.

Лесново от совхозного поселка находилось километрах в четырех. Полинка жила там на квартире у Евсеевых. Она была сиротой и приехала не то из Тульской области, не то из Тамбовской области.

У Леснова Гриша остановился, поднял велосипед на плечо, по безрельзовым мосткам переперался через речку. С обоих берегов над ее зеленой водой склонились березы. Одна упала, подытая течением, и вода, вздуваясь, медленно перенатывалась через белый ствол. А прямо над мостками, на крутом берегу, — изба Евсеевых с дощатой некрашеной терраской.

Гриша обошел избу с улицы, вошел на крыльцо и постучался. — Распахнулось окошко. Из него выглянул Василий, старший сын Евсеевых. Гриша поздоровался, спросил: — Полинка дома? Василий вынимательно оглядел его и скрылся. К окошку подошла жена его Зина. Она тоже вынимательно оглядела Гришу, потом отвернулась и стала разговаривать с кем-то в избе.

Наконец Полинка вышла. Она была в сиреневом платье с белыми пугонками у ворота и на карманках. Растянувшись за концы голубую косынку, она остановилась и удивленно вскинула свои светлые бровки, как будто не знала о Гришине приходе и наткнулась на него случайно.

— Здравствуй, — сказала она. Зина смотрела на них из окна, держа в зубах шпильки и закатывая волосы. Гриша попросился на нее. Полинка прыгнула на землю, прикрыв створки окна и снова убежала на крыльцо.

— В город не поедешь? — спросил Гриша, глядя на ее босиконки. — В город? А ты едешь? Мне вообще надо там в одном месте побывать, — сказала Полинка. — Знаешь что? Подожди минутку.

Она убежала в дом, а когда вернулась, от нее пахло духами. Полинка уехала на раму, а Гриша стал на педаль, перекинул ногу через седло и, вильнув рулем, стал набирать скорость.

Полинка оглянулась назад, помахала рукой. У избы стояла сама Евсеиха, смотрела им вслед.

— Следит, — усмехнулся Гриша. — Бойтся, в болото тебя завезу. — Они меня любят. Они мне, как родные. Другие так с родными не живут, как я с ними, — заступилась Полинка.

— О чем они там в избе говорили? Обо мне, небось? Полинка ответила не сразу, словно не расслышала за ветром. Потом сказала: — Они думают, ты танцуй же, как и Котофей. А я только при чем тут Котофей? Ты виноват, если тебя к нему поставили? Кого к кому поставили, тот с тем и работает.

— Чего они меня с ним равняют? Нашли с кем равнять, — с обидой сказала Гриша. Ему хотелось сказать о Котофее что-нибудь презрительное, чтобы Полинка сразу поняла, что он, Гриша, совсем не такой человек, как Котофей, а какой именно — не так просто распознать. Но он не нашел достаточно убедительных слов и замолк.

Гриша остановил машину, скинул вельветовую курточку и, сложив ее, пристроил к раме, чтобы Полинка было удобней сидеть. В тенистой рубашке ему было прохладно, но он опустил тепло тонких Полинких рук. Руки у нее были тонкие, загорелые, с продолговатой родничкой у правого локтя. Она откинула голову назад, и их волосы смешались.

— А поминишь, как ты меня на велосипеде катал? — спросила Полинка. Гриша точно не помнил: было что-то такое, катал девчат мимо клуба, может, и ее прокатил. Но сделал вид, что помнит. — А хорошо было, правда? Он согласился, что хорошо.

— А поминишь, мы капусту рыхлили, а ты мимо шел. Поминишь? Это Гриша помнил. Полинка рыхлила тыльную капусту. Он остановился, попутно: «Первым номером идем!» Она поднимала голову, что-то пробормотала, как-то: «Догоняй». Гриша еще словечко заикнул, она опять ответила, не поднимая головы. А когда он отошел и оглянулся, Полинка стояла, опершись на таянку, и смотрела на него.

Значит, у нее еще с тех пор? Вот уж действительно: в чужой душе — не вода в ковше... Вечером они сидели на скамье под окнами Евсеевых. Визну, перекатываясь через ствол березы, гудела вода. Грише захотелось сказать что-нибудь забавное, чтобы Полинка стало смешно.

— Котофей у нас стилино танцует, так что ноги заплетаются, — сказал он, но понял, что получилось не смешно. — Ой, Полинка засмеялась. Тогда Гриша осмелел и стал рассказывать ей про чудак-механика, про трехгодовалого соседского Петеньку, и Полинка опять смеялась. А он испытывал странное и приятное чувство доброты и интереса к хорошему человеку он был всегда? Только другие этого не замечали, а Полинка замечала.

Полинка не ответила. — Нет уж, ты говори. Чем же это я несамостоятельный? — повторил Гриша, чтобы Полинка поняла, что такими словами зря не бросаются.

— Может быть, я ошибаюсь, — примирительно сказала Полинка. — То-то вот. В следующий раз подумай, прежде чем говорить.

Над краем фиолетовых туч проступила длинная туманная зоря. Завсвистали птицы, да так громко, словно ими были битком набиты кроны деревьев. И было непонятно, как люди в домах не просыпаются от этого свиста.

Тогда Полинка сказала: — Ты и поспать не успеешь. Иди, не в последний раз виднись. Теперь уж... На другой день в обеденный перерыв Котофей подвел трактор к дощатой столовке, возле которой в кустах отдыхала бригада, и они с Гришей зашли пообедать.

В окошко Гриша видел Полинку. Она сидела поодаль, одна. Когда она вышла из столовки, Полинка негромко позвала: — Гриша!

Котофей подтолкнул его локтем: — Зовет, ступай... А сам, оглянувшись, прилеп на траву возле женщины, которая села, прикрыла лицо белой косыночкой. Та вскинула с земли, подхватила косынку, метнулась в сторону и снова улеглась. Котофей обовал ее нехорошим словом, поднялся и пошел за Гришей.

Полинка подобрала под ноги юбку и сказала: — Садись, Гриша. Присаживаясь рядом, Гриша мельком взглянул на нее и заметил, что лицо у нее бледнее обычного, наверно, оттого, что не выпала.

— Разрешите приземлиться? — приподнял пепучку Котофей. Грише не хотелось, чтобы он сидел рядом с ними, но Полинка, опустив уголки рта, сказала: — Садись, место не куплено.

Отвернувшись о Гришину плечо, Котофей поглядывал на землю, помотал сапогами в воздухе. — Полинка у нас девица мировая. А то другие строят из себя, выставляются. — Кто это выставляется? — покосилась на него Полинка.

— Да выш, лесновские. Подумаешь, святая невинность! Как шофера на квартиру поставит, тут ему же двадцать четыре удовольствия, полный пансион. Полинка вскинула глаза и с минутой разглядывала Котофее. Другой у его месте, может быть, и растерялся бы, но Котофей ответил ей взглядом, исполненным такого безмятежного пренебрежения, что она только сказала: — Треплето ты и больше ничего...

— Подумаешь, святая невинность, — жмурился на слышнее, повторил Котофей. — Чья бы корова мычала... — А что ты обо мне знаешь — так говорить? Полинка сказала это таким звонким голосом, что повиха выглянула в окошко.

— Что знаю, то знаю, — жмурился Котофей. — Может, все-таки знаешь? — Да брось ты прикидываться, честное слово! Ну вот, чем ты этой ночью занималась? В фантики играла? Забыла, да? Пускай тебе Гришенька напомнит...

Полинка посмотрела на Гришу, и ему показалось, побледнела еще сильнее. — Вот как? Что же это может напомнить мне Гришенька? Котофей, лежа на спине, перекинул голову набок и подмигнул Грише. Непосыжимое обаяние было в этом подмигивании. Лицо его становилось вдруг простовато-добродушным, так что трудно было не подмигнуть в ответ.

Гриша ухмыльнулся и, скосив глаза на Котофее, спросил Полинку: — А когда и у тебя сегодня ночью ушел? А? Ну, когда? Полинка все смотрела на него. Светлые бровки ее ползли вверх, рот приоткрылся. Грише стало жалко ее. И чтобы она поняла, что все это шутка, на которую обижаться не стоит, он обернулся к Котофее и, скосив глаза на Полинку, сказал: — А чем мы там занимались, это уж никого не касается. Верно, Полинка?

Но Полинка не приняла шутку. Она опустила веки и вдруг, подылавшись, быстро пошла к дороге. — Полинка! — позвал ее Гриша. И тогда, словно испугавшись его голоса, она побежала. — Прибежит, — заверил Котофей и щелкнул портигаром.

Гриша взял папироску, затянулся, пустил колежком дым. Полинка пересекла дорогу и зашагала по полю. Вот уже серой юбки не стало видно, только желтая кофточка и голубая косынка.

Запахнувшись, Гриша бросил папироску и пошел к дороге. — Куда? — спросил Котофей, но Гриша махнул рукой и ускорил шаги. Полинка, наверно, опять побежала, уже и кофточка ее желтой не было видно, а только голубая косынка. Гриша остановился. Косынка еще некоторое время то показывалась, то исчезала, как будто кто-то подпрыгивал, стоя на одном месте, потом исчезла окончательно.

Гриша пошел назад, Котофей дремал, как на животе. — Ну что, догнал? — спросил он. Гриша поглядывал в ненавистный Котофеев затылок, не отвечая. «Такая, покалудь, прибежит. Жди...», — с тоской подумал он.

Вечером Гриша поехал в Лесново. Остановился против дома Евсеевых, открыл окошко увидел Полинку. Она метнулась куда-то в угол, откуда к двери и снова к окошку. Не взглянув на Гришу, захлопнула створки.

Гриша толкнул калитку. — Полинка! — позвал он. Ухватил пальцами, затряс пияньюю планку онойной рамы. — Полинка, ты что? Никто не отозвался. Окошко стекло непорочно блестело. Гриша вышел из калитки, обогнулся на велосипедное седло, покруил, потом свел машину к речке и поехал обратно. Ему еще долго было слышно, как сзади, перенатываясь через ствол березы, гудит вода.

Александр ВОЛОДИН

Пленум правления Союза писателей Киргизии

На днях во Фрунзе состоялся второй пленум правления Союза писателей Киргизии, посвященный вопросам художественного перевода. А. Салнев и С. Шамеев рассказали пленуму о переводах на киргизский язык произведений прозы и поэзии. К. Кулиев — о переводах произведений киргизской литературы на русский язык. В прениях выступило свыше 20 человек.

Участники пленума отметили большую работу киргизских писателей, которые перенесли на родной язык лучшие произведения классиков мировой и русской литературы и советских писателей. Киргизский народ, получивший свою письменность лишь 30 лет

назад, читает теперь на родном языке великие творения классиков. На пленуме отмечались также существенные недостатки и изъяны в переводческом деле. В ряде переводов произведений классиков и советских

ЦЕНА ВОДЫ

В ауле Гокъяйла, о котором рассказывает в своей стихотворной повести «Юнец кровавого водораздела» туркменский поэт Чары Аширова, вода изливается в предмете многолетней распри двух враждующих родов — гапалов и меджеков. Договорившись за спиной бедняков, бан той и другой стороны вежливо разжили эту вражду к своей выгоде. Доведенные до отчаяния действующие, не понимавшие истинной причины преследующей их нищеты, готовы были на все ради того, чтобы оросить свой клочок земли. Как и всюду в прежней Туркмении, там, где текла вода, нередко текла и кровь.

Такова жестокая правда жизни туркмен в прежние времена, правда, отраженная в книге «Юнец кровавого водораздела» (на русском языке она выпущена издательством «Советский писатель» в переводе В. Вугаевского).

В центре этого просторного стихотворного повествования стоит фигура бедного действующего Чарыра. Ходом событий, развернувшихся в ауле Гокъяйла Чарыра — мираб гапалов — оказался втянутым в родовую вражду и стал убийцей несправедливого и коварного мираба меджеков Байлиба. Опасаясь неизбежной мести, Чарыра бежал из родного аула.

Произошло это в годы первой мировой войны, когда в России награвал революционный кризис. Случай свел Чарыра к его старинному другу Ялкабу, который к тому времени уже побывал на фронте, в госпитале, сидел в тюрьме и воспринял от своих русских товарищей азы политической грамоты.

Стихотворная повесть Чары Аширова ценна тем, что поэт удалось показать, как родовые отношения притупились перелазив в туркменском ауле с отношениями классовыми и постепенно вытеснились ими, какие заштатные формы приобретала там социальная борьба, порождая сложные коллизии, крайне противоречивые ситуации, ставя людей перед необходимостью трудного выбора, требуя от измученных бедняков прозрачности, ума, мужества и самоотдачи.

Под влиянием Ялкаба и таких людей, как большевики Степан и Зубов, Чарыра все дальше и дальше отходит от законов кровной мести, от родовых представлений и все глубже постигает на практике законы революционной борьбы. Октябрь он встречает созревшим для сознательных действий. Вместе с Ялкабом Чарыра входит в местный комитет бедноты, делит на новых началах землю и воду. Он теперь отчетливо понимает, кто его враги.

Трижды проклят будь ты, век от века заставлявший нам глаза туман! У гапалов нет вражды к меджекам, Бан — вот враги всех нас, дейкав.

Чарыра, гапал, видит своих истинных противников не среди бедняков-меджеков, а в шайке богача-гапала Теряева. И когда в Средней Азии разгорелась гражданская война, Чарыра с оружием в руках защищает народную власть от Теряева, ставшего вожаком одной из контрреволюционных бан. И в конце концов его шапка настигает Теряева на берегу того самого арка, где разыгралась столько трагедий из-за воды, где когда-то чуть не убили самого Чарыра. В этот бой был смертельно ранен Ялкаб, но Чарыра уцелел, ему было дано увидеть то, к чему стремился его душа.

Словно обезумевший, в халате В воду бросился, плескался в ней Чарыра, как будто всю в объятья Взял хотел, прижать к груди своей.

— Вот она — свободная, живая, Наша, наша, наша навсегда! Милая, прохладная, родная, Светлая, журчащая вода!

Николай АТАРОВ

НА БЫСТРИНЕ

Представьте себе потопляющегося на своем веку среди людей и знающего цену слова агитатора или инструктора райкома, извещающего влад и поперек район и знающего, кто, где, чем живет, или партийного журналиста, умеющего не только записать карточки, но и разговор затеять — поучительной историй, примером из жизни соседней или просто метким словом, подхватившим в бесчисленных предложениях. Вот таковы — по выбору предмета, по меткости трудовых и политических характеристик, по самому взгляду автора, всегда нацеленному только на животрепещущее, еще не решенное, требующее решения, — вот таковы публицистические рассказы-очерки Георгия Радова. Они печатаются уже несколько лет. Читатели журналиста «Огонек» запомнили лучше из этих рассказов — такие, как «День из жизни Прасковьи Лихачевой», «На быстрине и бережком», «На улице Казачей», «Звездки», «Шоф», «Петр Егорыч».

Эти рассказы давно заслуживают отдельного издания массовым тиражом. Правда, что некоторые из них составили книжку библиотеки «Огонек».

Если сказать самым кратким образом, о ком пишет Георгий Радов, то коротко скажем, как называли одного из его рассказов: о тех, кто «на быстрине и бережком». Рассказы-очерки Георгия Радова выписываются направлены против лодырей и обывателей нашей жизни, против «добителей до бережков», против психологических самоубийств с их легкой слащавой и дурными рублями, против плывающих по тилам жизни, против успокоившихся, рабующих «на пределе исправности», ищущих, где полегче, пропавших поворотом жизни, против тех, с кем «еще в обороте жить можно, а для наступления не годятся».

«Мы броском, а он полком. Мы вилась, а он берекком. Мы всем фронтом вперед, а он по-задкам: сзади топ, сзади свист. Двадцать лет прожил добротой советской власти и соседской милостью» — так со всей непримиримостью отзывается Коандаков, Василий Тихонович, о Ерофее Дуде. И таких афористических высказываний полно в рассказах Георгия Радова. Рассказовка действующих лиц в них предельно контрастна, контрасты даны на коротком, резко, непримиримо.

Вот в «Звездках» два секретаря райкома партии — новый, Павел Стояров, и старый, вернее, устаревший, Корней Селенченко. Будут вместе смотреть комбайнеров в полях и выдать каждый по своему, каждый — своего: устаревший Селенченко видит знатного Игната, который сам знает, что «политику делают мои комбайном», и о ком Селенченко цинично говорит: «Он мне как фигура нужен, а не как личность», забывая о том, что народу неохота брать науку из незлобимых рук; а новый, Стояров, видит Троймича, старичника, семь раз инвалида, который много-много лет не хочет расстаться со своим ветхим комбайном и все берет от него, даже больше, чем можно. Так, один видит толстого первого комбайнера, а второй больше — первого человека среди комбайнеров. Автор рассказа не только не избегает наглядной контрастности двух секретарей и двух комбайнеров, но, по существу, весь рассказ сводит к этому публицистическому столкновению, высвечивая искры мысли, чувств. «В чем же твой сланчик? — думал Стояров, сочувственно поглядывая в темные усталые глаза Корнея». А читатель, уже со слов самого рассказчика, знает эту слабость устаревшего руководителя: он «на людей смотрит, как будто бы они ему все по тычке рублей должили», ему что Игнат, что Коандав — нет раз-

ницы, он «потому и «сдукает» на людей, что не имеет для них других слов». Разве ж мало сказано в небольшом рассказе? Вот «На улице Казачей» кумовья: трагичный бригадир Черешпан и колхозный бригадир, полков Есеев Пастуха. И та же острота борьбы людей «неудобных», беспокойных с людьми «мирными», успокоившимися, и те же контрасты, которые выражаются в резком мнении Черешпана: «Я беру, а Есеев... сверху едет». Новый секретарь по совету старого поселился на тихой улице — там «публичка смирная». И вот открывает улица новому секретарю картину за картиной, — оказывается, не смирно, нет, — не смирно! — живет улица Казачья со всеми ее кумовьями. Люди рассматриваются с точки зрения автор старается угадать самое животрепещущее, еще не решенное, требующее решения... «Углономочный явится, по старой привычке шарит в ведомостях, пугает трущей без трущей. А они перестроились! С тружениками!».

Рассказ-очерк «На быстрине и бережком...» целиком построен на контрастных характеристиках. Показав, это наиболее радостный рассказ: сюжет растет из строгого, почти газетного задания, из контрастных характеристик, все в рассказе демонстративно и симметрично. Вчитываясь в этот примечательный рассказ — как образно точно характеристика героев, как они нацелены, как вооружены они нас критериями оценок человека по его отношению к труду, к личному и общественному, к новому и старому... И только сожалеть о том, что автор так поспешно, сам, за себя, за читателя, продвигает всю работу распознавания хорошего и плохого в жизни и характере. В рассказе — два отца и два сына: Коандаков и Дудки. И вот, для наглядности, цитаты из рассказа:

«Коандаков-отец и Коандаков-сын. До чего же они не похожи! И по внешности и по характеру. Сын — в мать он, что ли? — высок, гибок, как стальная пружина. Рано облысевшая голова залубела от загара. Но когда младший Коандаков смеется, так и кажется, что набросил ему на лицо белую сеть: морщины свежи, приобретены, видно, недавно и еще не прожаты солнцем. Отец зоркий, дотошный в отыскании друзей, движущих поступками людей. Терпеть не может любителей легкого варианта жизни и обличает их яростно; для них у него припасены словечки: «тактик», «хитромудрый» и еще одно, не совсем понятное — «берекком». Сын же — мужчина, кадетский, откровенно добродушный. Когда Василий Тихонович отдележал какого-нибудь «тактика», который получил от жизни на рубль, а поровит отдать на гривенник, сын нетерпеливо мнет подбородок и того и жди, что скажет: «А не довольно ли, папаша, перемять чужие коточки? По-смотрите, какая кругом благодать! До «тактиков» ли нам с вами? Пускай живут!».

Но вот — час спустя мы увидели Дудкина-сына. Он приехал на станцию в колесе с отдынным верхом — и таких теперь и не считай. Но сам Дудкин выглядел вполне современно. Головой, красивой и крупной, он походил на отца, тело имел тренированное. Выскочил из коляски, ступил подождав легкого брезентового сапожка, убедился, что земля держит его прочно, и глянул по сторонам. И тотчас все задвигалось на сонной станции. С козел соскочил лучер, наперерз ему помчался стационарный везовщик; начальник станции, на ходу наливая красную фуражку, двинулся навстречу гостю. Дудка-отец сорвался со своих порожков, подтянул ремень, выткнулся, как солдат на смотрю.

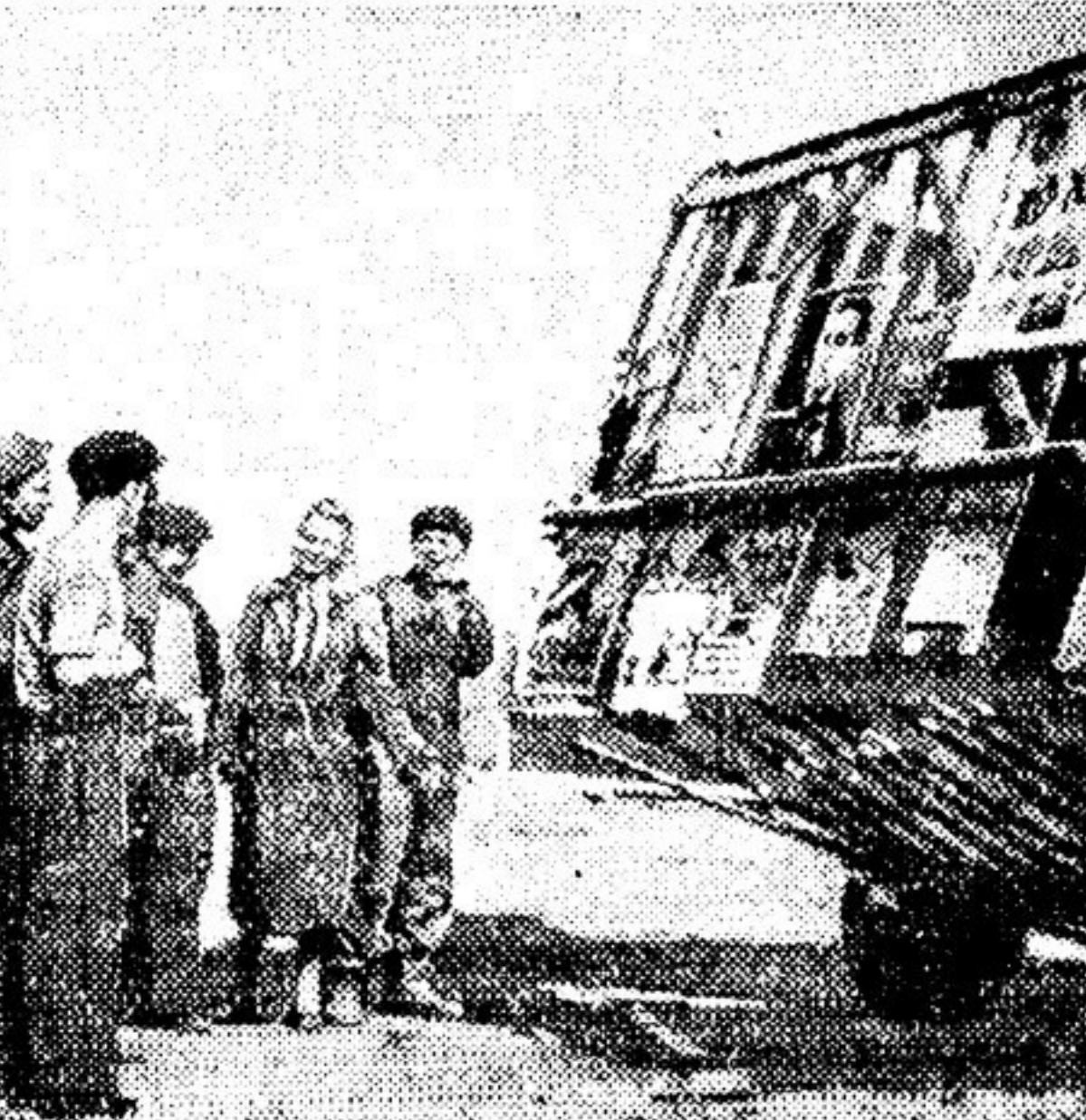
— Деда! — крикнул Дудкин отцу и, сделав рукой под козырек, пошел к начальнику станции.

— Генерал! — восторженно сказал Дудка-отец. — Генерал! Уме-е-ет себя поставить. И должност, скажи, самая невнятная: плодородного завода директор. Над двумя чапаями командует. А вес! Какой вес! Он им тут всем в районе жару дает! Два института, сто курсов за плечами...»

В таких характеристиках и самохарактеристиках действующих лиц — сила и слабость Георгия Радова. Сила — в любовной атаке азы, в ясности политической задачи. Слабость же — не только в недостаточности жизненного опыта, которое выражает себя ведь и в полудомнах и в потексте, не только в стилистичности изображения жизни, но и в том, что читатель скоро осознает, что собственные — пусть справедливые и острые — суждения о жизни занимают автора больше, чем его герои, которым он часто предназначает скромную роль рупора. Лишь когда после долгих авторских предостережений герой рассказа сам выходит на поле боя, начинается настоящая живописная сцена. Очень хорошо написана сцена встречи отца Коандакова с Дудкиным младшим, и, конечно, потому, что найдена динамическая ситуация. В колхозе Дудка-отец забыл в свое время поставить. Нужна позарез олда. Коандаков старший решает ехать к Дудкину младшему на поклон, Дудкин невинит «тактиков» общает родным держаться с директором плодородного завода тактично, с походом. На протяжении встречи враги изобретают одно другого вежливости, пока ядовитый старик Коандаков не срывается в приступе великодушного обличения.

Эта сцена должна бы подказать Георгию Радову возможности более глубокого, динамического, хоть и менее демонстративного, раскрытия жизненных противоречий. «День из жизни Прасковьи Лихачевой» — в этом смысле лучший рассказ. Сюжет его взят из самой жизни, а не продиктован предвзятостью публицистической сальчи. Рассказ полон внутреннего движения. Однажды женщина, хорошая труженица и общественница, всеми уважаемая колхозная зреневая Прасковья Лихачева вяла на воспитанную брошенную матерью девочку — вяла и стала воспитывать, и полюбила, как собственную дочь. И вот внезапно для Прасковьи Лихачевой, внезапно для любящих ее одесельчан, — а что страннее всего! — внезапно для самой девочки появляется запугавшаяся, злобавшаяся в жизни, проскокурировавшая сама собой Катерина со своими наглыми претензиями на ребенка, а с ним вместе и на положенную и невостребованную пенсию. Так бывает... Рассказ верен в каждой подробности. Рассказ берет за душу. Раздумье старой Лихачевой — это разумное не за себя только, даже не только за девочку, но и за беспутную Катерину.

Пока еще немногочисленными своими рассказами — лучшими из них — Георгий Радов показывает, что в кляче творчества Валентина Овечкина могут и должны у нас работать многие литераторы. В самом деле, по-овечкински зорко и чутко видит и слышит новые явления жизни вышних рассказчик. Он еще не достиг высших степеней литературного мастерства. Как художник, он нетерпелив, его морально-этические оценки ограничены рамками текущего дня, его рассказы-очерки эскизные, зарисовочные, он слишком быстро, ухватив за руку и не оглянувшись, велит читателя к цели, к решению. И все-таки все это, несмотря на избыток примитивной дидактичности, гораздо ближе отвечает читательской потребности, чем мнимая солидность иных толстовских беллетристов, работающих в литературе «на пределе исправности».

Группа сотрудников Государственной библиотеки-музея В. В. Маяковского была направлена на Алтай для чтения лекций о жизни и творчестве поэта. На снимке: рабочие зерносовхоза «Урожайный» знакомятся с передовой выставкой, посвященной творчеству Маяковского. Фото Л. ШИЛОВА

ПО СТРАНИЦАМ ТОЛЬКО ТАК!

Часто приходится слышать и читать, что нашей литературе очень недостает мудрого и страстного критического слова, каким, например, было слово Белинского.

Но пассивная позиция ожидания появления нового Белинского, которую нередко занимают наши печатные органы, здесь вряд ли оправдана. Только настоятельные поиски талантливых людей, имеющих призвание к творчеству критика, только заботливая, кропотливая работа над первыми рукописями помогут решить проблему воспитания молодой критической смены. В последние годы у нас появилось несколько новых имен в критике. Но такие «находки» — нередко дело случая: принесет молодой человек яркую, интересную рукопись в редакцию, ее начепают, и будут его печатать дальше. А бывает и по-другому — имя начинающего критика надолго или совсем исчезает со страниц печати... Здесь заинтересованность должна быть постоянной и активной. Только так можно добиться успеха.

Критический отдел последнего номера журнала «Знамя» открывается двумя статьями от редакции: «В этом номере отдел критики и библиографии сделан силами молодых критиков». Журнал представляет критиков уже печатавшихся — М. Ваксмахера, Е. Старикову, Н. Гея и В. Пискунова и авторов первых статей и рецензий — Т. Жарова, М. Гальперина, Т. Вирта, Ф. Светова и И. Асмолова.

Здесь собраны разные по своему урожаю работы — одни написаны более квалифицированно, в других анализ литературных произведений еще недостаточно глубок. Но не это в данном случае главное. Заслуживает всяческого одобрения инициатива журнала, щедро отдавая начинающим критикам всю печатную площадь своего отдела критики и библиографии.

Молодые критики в своих статьях стремятся поднять трудные и важные проблемы литературы. Т. Жарова пишет о том, что книги должны воспитывать наше юношество на правдивом, без прикрас, показе событий Великой Отечественной войны. Е. Старикова разбирает психологические коллизии повести Елены Ржевской «На новом месте». Горюя о классической традиции во французской поэзии, М. Ваксмахер показывает, как неразрывно связано использование определенных художественных приемов с изменением идейного содержания поэзии. Не менее разнообразны по темам и сферам рецензии. Первая рецензия! Она пишется не с пустым сердцем. Это уже какой-то итог жизни ее автора. Как часто бывает, уловство еще не послушных слов прорывается то, что больше всего подкупает в молодости, — горячий задор, смелость, искренность. И хочется, чтобы прелесть видения жизни и литературы вошла в историю, третьих, четвертых... рецензий молодых авторов.

Нужно пожелать, чтобы имена новых критиков не исчезли со страниц «Знамени» и чтобы они чаще появлялись во всех наших журналах.

С. ГАЙСАРЬЯН Сергей Есенин

Словно в весенней гулкой ранью Проскакала на розовом коне.

Когда мы думаем о Есенине, перед нами предстает золотоволосый, синеглазый юноша. Он ласково смотрит на мир и из всего, что видит вокруг, извлекает истинную поэзию, подмечает не высказанную еще никем красоту. Но с годами этот образ хмуруется, тускнеет. И, может быть, потому, что сам поэт рассказывает нам об этом с неизменной правдивостью, несмотря на все нелады между ним и действительностью, на горечь заблуждений, перед нами снова возникает видение юноши с «буйством глаз и полководцем чувств».

Из рязанской деревни пришел Есенин, принес в литературу вместе с запахом лугов и пашен, с несказанным чувством родной природы тяжелый груз патриархально-крестьянских воззрений. «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном», — сказал он. Путь к прочувствованию и осознанию революции у Есенина был трудный, извилистый. В жизни правде века он пробыл в самой борьбе с пережитками старого в таящей себе.

В первые годы революции классовые противоречия выступали особенно обнаженно, во всей остроте, и иные мотивы есенинского творчества, ныне потерявшие для нас действительное значение, в той накаленной обстановке объективно отражали чуждые нам влияния. Их-то и пытались использовать враждебные новому силы.

Время — лучший редактор, из творчества художника оно умело отбирает существенное, нетленное. И так с Есениным. В его поэзии было и хорошее и дурное, и не все дурное, конечно, улетучилось, хотя во многом поблекло, потускнело, но с расстоянием мы, несомненно, лучше различаем подлинное хорошее. История литературы не имеет права скрывать факты, но сама история производит отбор, как бы пропускает все еще через решето времени. Естественно, мы не принимаем и сейчас пессимистическую окрашенность и религиозную условность образа, богомные мотивы, присущие ряду его стихов. Но мы принимаем главное, то, что осталось весомым и значительным, сохранило свою действительную силу, все, что шло от безграничной любви поэта к Родине, все светлое и чистое. Осталось поучительным раскрывшееся в его поэзии крушение крестьянского

индивидуализма, живое восприятие нового, стремление к нему. Не померкла нежность ко всему живому, сыновья привязанность к матери, глубокий, задушевный лиризм, волнующая искренность его стихов.

Тридцать лет прожил поэт, пятнадцать из них отдал поэзии. Если исчислять начало литературной деятельности с появления первой книги, то все его творчество укладывается в десятилетие 1916 — 1925 — время, когда наметался и разразилась величайшая из социальных бурь, когда в жестокой борьбе со старым утвердился новый миропорядок. До революции им написано немного. Его самоотверженное дарование проявилось рано, однако постоянно окрепло, возмужало, обрело общественный вес под могучим дыханием Октябрьской грозы. Его талант, неуклонно питаемый быстро меняющейся действительностью, расцветал все ярче, и художественно наиболее зрелые, совершенные вещи созданы поэтом в 1924—1925 годах. Пира высших творческих достижений явилась рубцом и итогом одновременно.

Есенин принадлежит к числу редких творческих индивидуальностей — они выхватывают слово зарницы, оставляя надолго глубокий след в сердцах. В лучших его творениях запечатлена красота души русского человека. Он умел проназвать каждую строку тонким, покоряющим лиризмом. Очень метко сказал Горький: «...Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии...».

Неловко вынужденное Гослитиздатом двухтомное собрание сочинений поэта включает почти все его поэтические произведения. Читатель здесь увидит многое из того, что давно не публиковалось. Стихотворения и поэмы, расположенные в последовательном хронологическом порядке, помогают проследить творческий путь Есенина, мир его образов в эволюции.

Круг первоначальных ощущений поэта был связан с отношениями крестьянина к родной природе. В стихах Есенина природа, обретая человеческие черты, необычно оживает, словно деревья, цветы, ветривы, пашни, поля, затоны, туманы, ветры, роса, зари, метель, домашние животные — все это одухотворено, находит с поэтом живой язык, вливает «свои суды» в его сердце. И поэтому: «словно бедою косяной подвизавшая сонса», «пригоревшие девушки-слиз», «стикоубийца» ветер о ком-то шепчет, «добра» «думает грустную думу о бешомом теленке», по-

человечески печалится собака, потерявшая своих щенят. Поэт обращается к любимой: «спори: волос твоих осяхнел», говорит матери: «и на песни мои прольется молоко твоих рыжих коров».

Пейзаж, всегда включая в себя настроение-чуткого поэта, становится его особенно сердечным, близким, осязаемым. В нем неожиданно и многоголосо раскрывается душа человека.

Нечто, горячо любил поэт родную страну. Неизменно в его сердце «светит Русь». Ему хочется «затеряться в зеленых ее стожинах», «обротить по траве одному», «вникаю при дороге сторожить задремавшую Русь». Он обращается к ней ласково: «край мой родной», «Русь моя родная», «родина короткая», «мой край, задушевный и нежный», остро чувствует безбрежность ее просторов, синь неба, разлиты грозные. Вместе с тем его не покидает ощущение грусти, пустынности, тоски. И в старой песне мы слышим «русская боль».

Когда мы читаем: «Проплясал, проплакал дождь осенний, замерза гроза», — будто слышим в этих словах дробный, прерывистый шум дождя и утихающие раскаты грома; в воздухе — затишие, неразрешенность, беззащитность, что находится в полной гармонии с печальными думами поэта. Или вот как прозрачна и легка его живопись: «Зеленая прическа, девичья коса, о тонкая березка, что заглядывал в прутья?». Мы видим отражение березки в воде, и это дает ощущение воздуха, просторности, красок и еще более оттеняет назвество дерева.

В революционных его стихах образ деревни рисуется через «забывшиеся избы», «сжигшие халасы с поджиданием седых матерей». Мелькают часовни, колокольни, поминальные кресты. Рассказывает песни и пляски сельской молодежи. Проходят картины проводов солдат-новобранцев, зауси, мобилизов, странствий богомольцев и калек. Религиозные мотивы отречены, протесты, смиренная соседствуют с поэтизированной непокорностью бродяг и воров-любов в кандалах. Поэт не затрагивает глубоких социальных проблем, он далек от изображения тяжелого труда крестьянина, классовых битв и столкновений на селе. В его художественной преемке мир предстает местом помещичьей усадьбы, она познается лишь раз в стихотворении: «Вот оно, глупое счастье...» в образе нежной и безумной девушки.

Но поэзия Есенина выразительнее только этих идей и настроений, как ряд «крестьянских» поэтов тех же лет, чьи имена сегодня уже позабылись, его значение в истории нашей поэзии было бы куда меньше. Однако революция, перевернувшая мир, внесла свои коррективы в мироощущение

альную драму в «Анне Снегиной», но пока здесь все благобно и идиллично.

И все же лирика и этих лет исполнена ощущения тревоги, ожидания. Есть противоречивость в Есенине. Печаль и беззащитность сменяются радостным восприятием жизни: «О, верю, верю, счастье есть!». То он, без гордости, думает, что станет «замечательным русским поэтом», то грустит, что его напевы «не изменят лик земли». В его стихах возникают мотивы смерти: «Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть», рождается тема двойника: «Отгорела я, родается от тела. Неодетая она ушла, взяв мои изогнутые плечи», — она скажется через девять лет в «Черном человеке». Остро, болезненно давит о себе злая реальная противоречия жизни, они врываются в душу поэта, наполняют ее тоской, сомнениями. Проходит еще немного, и какой далекой покажется юность, когда мечталось, что можно оставаться вдали от мира «смирными иноком или белобрысым боском», молясь на колны и стога.

2. Так мало проведено дорог, Так много сделано ошибок! Противоречия Есенина отражают социальные противоречия эпохи. В ту пору, когда он начинал свою литературную деятельность, в деревне шло усиленное «освобождение крестьян от земли». Разрушалась община, усиливались классовое расслоение деревни, ускорялась ее пролетаризация, росло народное возмущение против помещиков, сельской буржуазии. Однако в средних крестьянских слоях еще теплилась патриархальная иллюзия. С мечтой о «справедливой мужицкой стране» придули сочетались самые противоречивые чувства, настроения. Некогда призывавшие к земле, возмеченные деревенской отсталости и страх перед городом, стремление считать старую жизнь и нравы единственно правильными, они в новой форме нашли художественное выражение в поэзии Есенина. В его поэзии звучат мотивы грусти и беззащитности: «Я последний поэт деревни», — говорит Есенин, чувствуя, что рвется основа родового уклада. Вот почему его стихи — во многом страстная элегия о том, что отжило свой век.

Если б Есенин был выразителем только этих идей и настроений, как ряд «крестьянских» поэтов тех же лет, чьи имена сегодня уже позабылись, его значение в истории нашей поэзии было бы куда меньше. Однако революция, перевернувшая мир, внесла свои коррективы в мироощущение

поэта. Он потонул в новом, увидел шаткость, обреченность старого. В революционные годы крестьянская масса все более становилась на сторону рабочего класса, — падала с глаз мелкособирательная пелена, ясное вырисовывалось стобойной путь деревни. Под влиянием новых общественных отношений, новой действительности менялся и сам Есенин.

Д революция полевая Русь представлялась ему в извечной неизменности, словно над ней время застыло неподвижно: А месяц булет плыть и плыть, Роняя весла по озерам, И Русь все так же будет жить, Плясать и плакать у забора.

Под влиянием революции он начинает остро чувствовать неустойчивость деревенской Руси. В словах, обращенных к ней, уже нет щедрой теплоты ранних лет. И природа уже не представляется поэту столь образной, как прежде: И знакомые взору просторы Уж не так под луной хороши. Буеряки, пеняшки, косягоры Обвечалили русскую ширь.

Любовь к родине «томилла, мучила и жгла» поэта. Он не мог быть равнодушным к ее судьбе. Построенная на новых началах свободная советская жизнь, еще не установившаяся, трудная в своих поворотах и дерзкая, маняла и звала его. И пристальное внимание к горячим будням восстановленного периода придало Есенину к осознанию плеч новой России:

Мне теперь по душе иное... И в четырехтомном свете луны Чрез каменное и стальное Вью моея родной стороны.

Путь Есенина в советские годы отмечен двумя осязательными прорывами к новому. В одну революцию, когда захваченный свetonным вихрем Октябрь, он приступает к новой, правды, представляя ее во многом по-своему, неверно. И в последний период жизни, когда под влиянием развивающейся советской деревни он начинает различать в ней новые черты.

Не сразу поэт понял и прочувствовал подлинную суть социалистической Руси, не сразу и не до конца он принял их своим сердцем. В ряде своих произведений он изображает будущее как бездумное царство машинной техники, подавляющей человека. В первые годы революции он активно выстукает негодом и планшатам бременчатой Руси, упрямо не признает города, техники, в них гибель всего того, что ему дорого и мило. Поэту кажется, что пойдут телеграфными стопами, изны прелесть стальная лихорадка. С болью в сердце он изображает тоноконного красногирвого

деребенка, отчаянно скачущего за поездом. Объективно пафос этих стихов — против индустриализации, против новой стройки, слово в них залепало выступает «...весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал двигаться новый, невнятный, непонятный враг, идущий откуда-то из города...». Поэмы этих лет густо окрашены в религиозные тона, поэта постоянно сопровождают библейские образы, реминисценции. Он верит патриархальным взглядам, крестьянскому индивидуализму, полон предчувствия нового Назарета, и ему представляется, что революция, расчистив землю, призвала создать утопический «мужичий рай». Отголоски этих отсталых взглядов особенно осязательны в «Ипполите».

Небывало огромные перспективы раскрывала революция перед народом. Менялось само представление о времени и масштабах истории. Поэтическая фантазия в попытках уловить огромность совершаемого часто ускользала от реальности, уносась в космические пределы или вглубь веков. Романтика революции захватила поэта, и он воспел в «Товарище» революционную борьбу рабочих, совершенное ясно высказал свои симпатии к новому в «Несбном барабанщике», «Порядочной голубице»: «Небо — как колокол, месяц — язык, мать моя — родина, я — большевик». Но многие есенинские вещи этих лет отмечены мистическим налетом, попыткой вложить революционное содержание в ветхозаветные образы. Связанный с ямажизмом, поэт не находил реалистически ясных образов для нового жизненного материала, мотивов, рожденных Октябрем.

В годы наша оживившиеся буржуазные элементы пытались внести в идейную жизнь общества италию, раздор. Молодая советская литература утверждала себя в борьбе с чуждой идеологией, с разрывными литературно-богемными группками. Немало талантливых советских художников подверглось воздействию нездоровых настроений тех дней. Затронули эти влияния и поэзия Есенина. Наступил самый мрачный этап в жизни и творчестве поэта. Кабальные стихи его — свидетельство внутреннего кризиса, спада душевных сил. «Я собираю пробки — душу мою затыкать», — так говорит Есенин о себе, рисуя бесшабашность пропойца, мир проститутки и балетов, выказывая разочарование, неверие в силы революции.

В этих и в некоторых других произведениях Есенина его поэзия вступает в противоборство с новой жизнью.

(Окончание см. на 4 стр.)

